

К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ XVII

К 556/38г. 0

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

Рис. К. Ротова

Наднях в Москве, на Чистых прудах, 6, в доме, занимаемом Наркомпросом РСФСР, состоялась встреча Крокодила с легкой кавалерией наркомата. Беседа продолжалась около 20 минут и носила весьма дружественный характер.

Ниже печатаем подробный отчет об этой беседе.

КРОКОДИЛ. А мне нравится у вас! Кругом — этакое просвещение. Опять же много разных кабинетов. И в каждом кабинете люди сидят и думают об одном: как бы лучше выполнить директивы вышестоящих органов...

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Какая злая сатира!

КРОКОДИЛ. Нет, что там не толкуйте, а тут у вас хорошо! Как внимательны здесь к каждому слову учителя, к каждому его письму!.. Можно ли после всего этого критиковать работу Наркомпроса РСФСР?

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Какая злая сатира! Ну и шутник же вы!

КРОКОДИЛ. На этот раз я не шучу. Не думайте, что у меня всегда ехидный характер. Не думайте, что сердце мое — камень. Ничто человеческое мне не чуждо. Порою и мне хочется кого-нибудь нежно обнять, дружески пожать руку, горячо похвалить... Вот за этим я и пришел сюда, на Чистые пруды.

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Какая злая сатира!.. Но неужели вы серьезно? Тогда я должна вас разочаровать: вы даром потрудились.

КРОКОДИЛ. Не может быть! Не верю. Вы такая молодая, веселая, жизнерадостная, такая легкая кавалерия и вдруг мрачные взгляды, переходящие почти в пессимизм.

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Ошибаетесь. У меня и намека нет на пессимизм. Я убеждена, что и у нас в наркомате засияют звезды. Но сегодня... К сожалению, сегодня, есть еще много пищи для вас, товарищ Крокодил. Вот вы говорите о внимании к учителю. Разрешите привести вам несколько фактов.

КРОКОДИЛ. Слушаю.

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Сельская учительница Мельникова обратилась в Наркомпрос, жалуясь на то, что ее неправильно сняли с работы. Бумага попала в управление средних школ, к начальнику управления тов. Михайлову. Сюда оно попало, здесь оно и пропало. В течение четырех месяцев Мельникова пишет одно заявление за другим, но...

КРОКОДИЛ. Не продолжайте. Понятно. Но нельзя же по одному этому факту...

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. По одному? Вы меня смешите, товарищ Крокодил.

КРОКОДИЛ. Это моя обязанность.

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Ваша обязанность — не только смешить. Так вот слушайте. В папках этого самого управления средних школ мы обнаружили такие документы: «1) «Прокуратура РСФСР обращает Ваше внимание на то, что до сих пор нет ответа, почему уволен учитель физики и математики неполной средней школы в селе Ренецком, Задонского района, Орловской обл.». 2) «Если вы полтора месяца не отвечаете жалобщику Шутлеворту из Калининской области, — дайте ответ мне!» — требует депутат Верховного Совета СССР тов. Венявский. Что вы скажете на это?

КРОКОДИЛ. Ясно, что...

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Слушайте дальше. Учитель железнодорожной школы города Куйбышева Корин прислал в Наркомпрос заявление. Пятьдесят один день пролежала эта жалоба в управлении средней школы. На 52-й день заявлению «дали ход» — отправили его в отдел школы НКПС со следующей припиской:

«Пересылаем Вам письмо ученицы 20-й школы г. Куйбышева Кориной, как ошибочно присланное».

Усердием Михайлова и его помощников учитель превратился в ученицу. Для этой сложной операции потребовался всего 51 день.

КРОКОДИЛ. Это очень смешно. Однако не всегда же у вас...

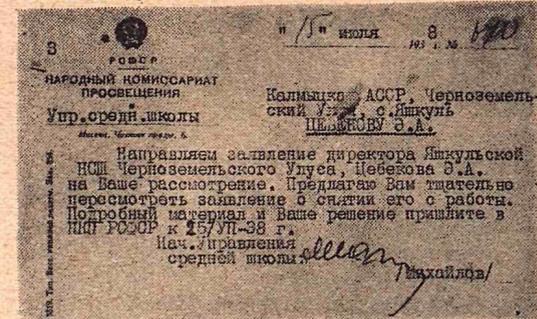
ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Конечно, не всегда. Но уж больно часто. Вот вам еще один пример. Какие-то, извините, дураки уволили учительницу Дунаеву «за неправильное толкование образа Базарова в «Отцах и детях» И. С. Тургенева». Дунаева пожаловалась в Наркомпрос. И здесь у нас ее заявление пролежало без движения 95 дней! Что скажете?

КРОКОДИЛ. Но ведь иногда...

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Правильно, иногда тов. Михайлов очень быстро отвечает на заявления учителей. Директор одной из школ в Калмыцкой АССР тов. Цебеков написал письмо наркомпросу просвещения тов. Тюркину о неправильном снятии его, Цебекова, с работы. Нарком поручил это дело начальнику управления средней школы Михайлову как человеку, наиболее чутко относящемуся к жалобам учителей. Нарком не ошибся. Михайлов немедленно принял меры. Михайлов немедленно ответил Цебекову.

КРОКОДИЛ. Ага! Вот видите.

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Вижу, вижу. И вот что я вижу:

«Калмыцкая АССР, Черноземельский улус, с. Яшкуль, Цебекову Э. А.

Направляем заявление директора Яшкульской НСШ (неполной средней школы), Черноземельского улуса, Цебекова Э. А. на Ваше рассмотрение. Предлагаю Вам тщательно пересмотреть заявление о снятии его с работы. Подробный материал и Ваше решение пришлите в НКП РСФСР к 25/VII 38 г. Нач. управления средней школы Михайлов».

Вот как, товарищ Крокодил, работают в нашем наркомате: заявление Цебекова посылают самому Цебекову и строго-настроено предлагают Цебекову тщательно пересмотреть заявление Цебекова и решение Цебекова по делу Цебекова срочно прислать в Наркомпрос. Короче говоря, полное самообслуживание... И если тов. Михайлов обнаружит, что Цебеков проявил бездушие по отношению к Цебекову, то немедленно Цебекову будет предписано восстановить Цебекова, извиниться перед ним и за счет Цебекова оплатить Цебекову вынужденный прогул. Справедливость восторжествует: Цебеков Э. А. будет восстановлен, а Цебеков Э. А. будет наказан...

КРОКОДИЛ. Тяжелый случай. Разрешите записать его. Авось, пригодится.

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Пожалуйста. Вы нам этим очень поможете. Кстати, могу вам сообщить еще один любопытный факт. На сей раз главным героем будет не Михайлов, а Мисюгин, заместитель заведующего отделом руководящих кадров. Тов. Мисюгин пишет заведующей МосгорОНО тов. Сергеевой:

«Направляю тов. Халмурадову Ю. П. для использования на работе в качестве зав. РОНО Советского района».

Тов. Сергеева находит, что Халмурадова не справится с этой работой. Халмурадова опять обращается к Мисюгину. Мисюгин пишет новую бумажку, адресованную Сергеевой:

«По договоренности с народным комиссаром просвещения т. Тюркиным П. А. направляю к вам тов. Халмурадову Ю. П. для определения ее на работу директора в одну из школ города Москвы».

Но Сергеева не испугалась. Тов. Сергеева по опыту знает, что не все распоряжения Наркомпроса твердо продуманы. Она отказывает Халмурадовой. Халмурадова идет к Мисюгину и получает на руки бумажку:

«Согласно личной договоренности с Вами направляю тов. Халмурадову для назначения зав. учебной частью в 273 школу г. Москвы».

Опять приходит Халмурадова к Сергеевой. Оказывается, никакой личной договоренности нет. И Халмурадову снова, как мячик, бросают в Наркомпрос. Ведутся новые дипломатические переговоры между наркоматом и Московским городским отделом народного образования. Наркомат идет на все уступки: не хотите, чтоб Халмурадова была заведующей районным отделом, директором школы, заведующей учебной частью?.. Простите. Не смеем настаивать. Тогда назначьте ее, пожалуйста, заведующей межрайонной фильмотекой Дзержинского района г. Москвы... Ну, Сергеева видит такое смирение, взяла и согласилась. Подписала приказ о назначении Халмурадовой в фильмотеку.

КРОКОДИЛ. Значит, Халмурадова получила работу?

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Что вы! Как наивны крокодилы! Халмурадова приходит в Дзержинский район. А там очень удивляются. У них давным-давно есть заведующая фильмотекой. Они ею очень довольны. А Халмурадова им ненужна... Что скажете, товарищ Крокодил?

КРОКОДИЛ. Конечно... материал для лирических стихов не подходит. Но ведь не это главное в работе Наркомпроса. Зато как энергично идет подготовка к новому учебному году!

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Какая злая сатира!.. Или вы это серьезно? Тогда опять ошибаетесь. К 20 августа из 376 новых городских школ в РСФСР закончено строительством только... десять. С аттестацией учителей тоже неважно: к 14 августа выдано аттестатов меньше 50 процентов. Школы еще не укомплектованы учителями. А каково положение с учебниками, с программами?

КРОКОДИЛ. Но я думал, что после сессии Верховного Совета РСФСР, после того, как работа Наркомпроса была подвергнута такой суровой критике... Я был уверен, что теперь у вас тут такой подьем, такое оживление!..

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ. Какая злая сатира! Вы несносный шутник, товарищ Крокодил!

Происшествие в горах

Я приехал на Кавказ,
Вылез в горы первый раз.

Мне сказали: «Выйди в горы —
Будешь к вечеру назад.
Полюбуйся на озера,
Погляди на водопад.
Там совсем другое небо,
Рядом снежные хребты,
Ты же там ни разу не был,
Ты не видел красоты».

Я ответа не нашел,
Убедили — я пошел.

«Ты пустился в путь опасный, —
Сердце мечется в груди. —
Сядь на камешек, несчастный,
Образумься, не ходи.

Умный в гору не пойдет,
Умный гору обойдет».

«Чем бы ты ни угрожало,
Как бы я ни уставал,

Я не видел перевала,
Я увижу перевал».

Час шагаю, два шагаю,
На шестом в глазах круги,
Я с трудом передвигаю
Две натертые ноги.

Утомленный, одинокий,
Я к потоку подхожу,
Но в бушующем потоке
Красоты не нахожу.
Сердце бьется: «Я устало,
Ты безумец. Я право».

Не увидишь перевала —
Не случится ничего».

«Как бы ты ни уставало,
Как бы я ни уставал,
Я не видел перевала,
Я увижу перевал».

Вот уже на четвереньках
Я ползу по леднику,
Шаг — ступенька, два — ступенька,
Пот струится по виску.
Я карабкаюсь на скалы,
Лезу, падаю, встаю,
Мне в пути грозят обвалы,
Камни метят в жизнь мою.
Наконец-то я у цели!
Все под'емы за спиной,
Все долины, все ущелья
Распростерты подо мной.

Самый видный выбрав камень,
Из кармана вынув мел,
Я дрожащими руками
Нацарапал, как сумел:
«Как приеду в Теберду,
Так опять сюда приду».

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Иностраннный юмор

ХИМИЯ ПО-НЕМЕЦКИ

СЛУЖИТЕЛЬ (профессору): —
Профессор, ваша лаборатория
взлетела на воздух!
ПРОФЕССОР: — Ах, взорва-
лась, значит опыт мой можно
считать удавшимся.

В ПОЛИЦИИ

— Послушайте, часы, о потере
которых я заявлял, нашлись.
— Вот жаль, а мы только
сейчас нашли вора!
(«Mechanics magazine»).

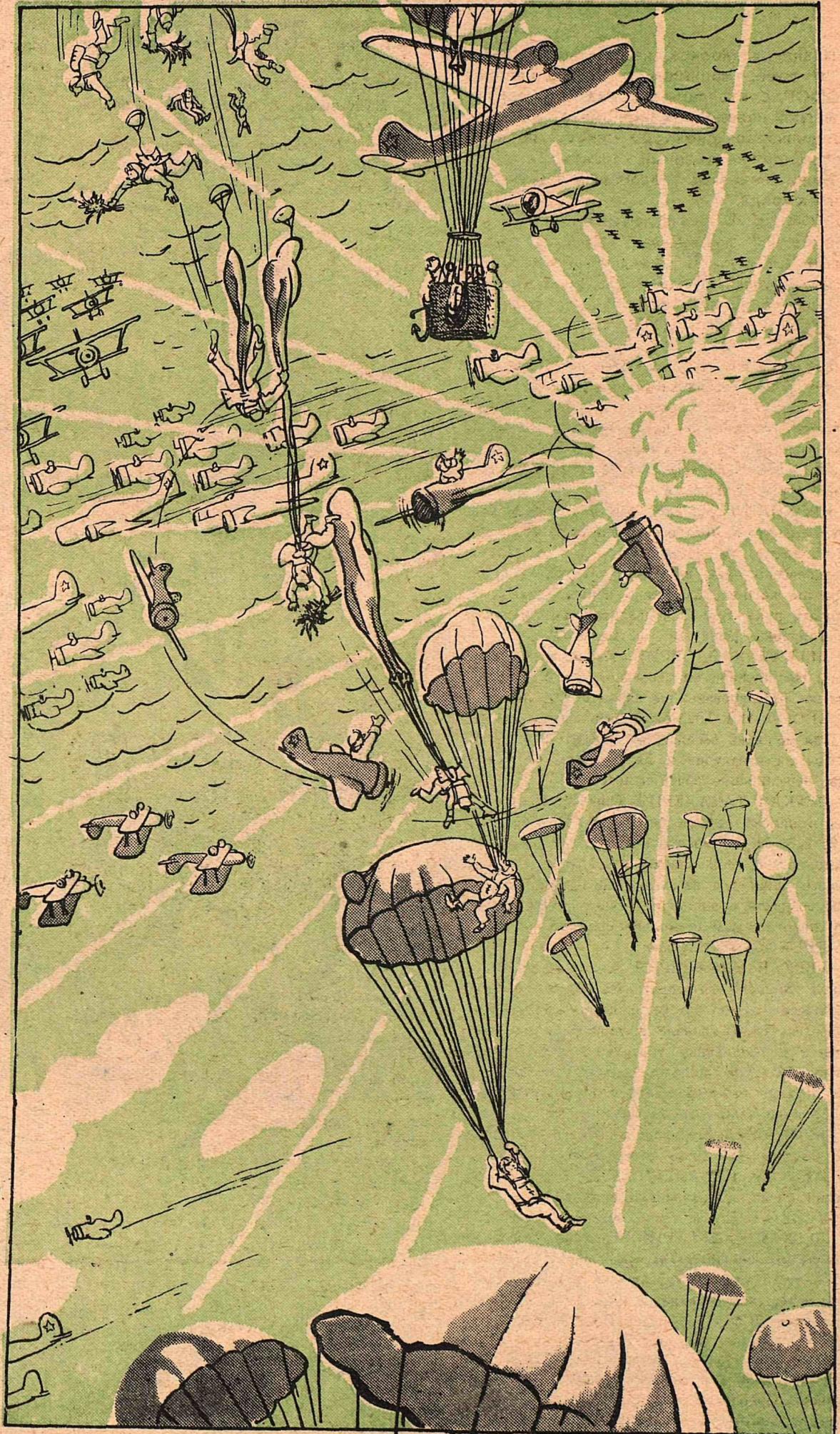

Рис. И. Семенова

СОЛНЦЕ: — Всегда здесь 18 августа такая теснота, никак до
горизонта не доберешься.

Рис. Кукрыниксы

...Из школы дети возвратились,
Как разукрасил их ремонт...

Помощь

Иллюстрации Л. Генча

Они решили учиться.

Он сказал:

— Я люблю паровоз. Я буду инженером-путейцем.

Она ответила:

— Я люблю тебя. Я тоже буду инженером-путейцем.

Они начали поглощать книгу за книгой. Книг было много, полный чемодан. Книг они запасли сразу на весь пятилетний курс вуза.

Он читал — она слушала. Она читала — он слушал.

Вместе слушали лекции профессоров. Оба были студентами-отличниками.

• Сначала первого курса.

Затем второго курса.

А потом тр...

Нет! Тут я оговорился

Партия решила, что коммунист Виктор Гранатов должен поработать на стройке. Нужно было протянуть железную дорогу из одного угла Советского Союза в другой. Гранатова посылали руководить партийной работой участка.

— До свиданья, Оля! — сказал он, сложив вещи.

— До свиданья, Витя, — отвечала она. — Работай так же! И почитывай!

— Вряд ли. Стройка спешная! Я продолжу учебу, как только паровозы побегут по новому полотну.

— Это будет через три года, — вздохнула Ольга, — к тому времени я буду инженером.

— Постараемся раньше.

Виктор прошелся по комнате, погладил какую-то книгу, вздохнул, поцеловал Ольгу и начал собираться в путь.

Грустная Оля почему-то долго хлопотала у чемоданных чехлов.

На перроне вокзала они держались за руки и разговаривали: он — о стройке и ее учебе; она — об учебе и его стройке; и оба — о любви друг к другу.

Поезд тронулся. Виктор высунулся из окна и крикнул:

— Оля, пиши!

— Витя, отвечай! — крикнула она в ответ, стремясь догнать вагон.

Гранатов приехал на стройку, поместился в дощатой комнате, повесил на стену карты будущей дороги, поставил на стол портрет Ольги и начал распаковывать чемоданы.

— Скандал! — воскликнул он, раскрывая один из них. — Я увез все книги. Оля осталась без учебников. Тут есть и такие, что трудно достать!..

Виктор немедленно отправил телеграмму:

«Любимая мною ошибке увезен чемодан книгами вышлю обратно Витя».

Не успел Морзе отстучать эти слова, как Гранатову вручили:

«Дорогой зпт не беспокойся обойдусь обнимаю Оля».

Через час Гранатов был на стройке. Это был муравейник. Люди укладывали большие шпалы и длинные рельсы. Вечером за керосиновой лампой Виктор составил план статей работы. Ночью снилась Ольга, будто бы бегавшая по стройке.

Вскоре новый парторг получил письмо.

«Сижу в библиотеке. Читаю о паровых котлах, а думаю о тебе. Наверно, поэтому многие из лекций мне непонятны. Не объяснишь ли ты их? Все непонятное я прилагаю к письму...»

Многое было непонятно для Ольги.

— Посмотрим! — сказал Гранатов и вытащил из-под кровати чемодан с книгами.

Во втором письме сообщалось:

«Очевидно, я так привыкла к тебе, что твои объяснения оказались понятнее лекций профессоров. Не можешь ли ты решить и эти задачи?»

Толстое третье письмо содержало вопросы по нескольким дисциплинам третьего курса. К длинному списку упражнений прилагалась краткая записка Ольги:

«Спасибо за помощь. Не знаю, что со мной случилось. Путаюсь почти во всех предметах. Может быть, мне бросить учебу?»

Виктор телеграфировал:

«Учебу не бросай тчк Буду помогать тчк Жди моих объяснений тчк Не стесняйся присылать непонятное тчк Виктор».

Задания приходили все чаще и чаще. Виктор облегченно вздохнул, когда у Ольги наступили каникулы.

Осенью на парторга снова полился бумажный поток.

«Как я ошибся в Ольге! — думал он, копаясь в формулах, расчетах и чертежах. — Она не может работать самостоятельно. Какой инженер получится из Ольги?»

И Гранатов горько усмехнулся.

Зимой он послал последнее объяснение и приписал:

«Ольга! Больше у меня нет времени отвечать тебе. Вообще на стройке горячая пора. Вредители подослали негодный проект моста и этим задержали укладку последних километров рельсов. Работай самостоятельно. Не думай обо мне. В. Г.»

Ольга ответила спешным письмом:

«По тону твоих последних строк я поняла, что больше ты не любишь меня.

Во всяком случае благодарю тебя за помощь. Сдала все предметы на «отлично».

Теперь получила дипломное задание — проект моста. Я начала его. Но самую трудную часть я вынуждена послать тебе. Если ты выполнишь его, я буду знать, что наши отношения не изменились. Оля.

Р. С. Жду ответа».

Виктор не отвечал.

Он был занят мостом. Его надо было срочно перепроектировать и строить.

И скоро мост возвышался над широкой рекой. Гранатову пожали руку, и он сел первым пассажиром в поезд, направлявшийся в центр.

Вновь построенная железная дорога укоротила в два раза время поездок от центра.

«Зайду к Ольге, — подумал Виктор, подходя к ее дому, — зайду, чтобы сказать: «Я ошибся в тебе. Прощай!»

Ольги не оказалось.

На письменном столе, между портретом Виктора и букетом роз, лежал конверт для Гранатова.

Он распечатал его и прочел:

«СПРАВКА

Дана сия тов. Гранатову, Виктору Алексеевичу в том, что он полностью прошел курс заочного Института путей сообщения. Предметы им сданы на «отлично».

После сдачи и защиты дипломного проекта тов. Гранатову будет присуждено звание инженера путей сообщения...»

Дальше следовали подписи и печать института.

Борис Агаров

Рис. Ю. Ганфа

К ЮБИЛЕЙНОМУ (87-му) НАРУШЕНИЮ ГЕРМАНСКИМИ ЛЕТЧИКАМИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ГРАНИЦЫ

ГЕРМАНСКИЙ ЛЕТЧИК: — Опять эти чехи подсовывают под наш самолет свою территорию!..

Завсеидатай

В народном суде, недалеко от областного центра, приступают к разбору очередного дела.

— Слушается дело по обвинению Пирогова С. Т. по статье 116-й Уголовного кодекса, — говорит судья, усевшись поплотнее на своем кресле со спинкой, более высокой чем у народных заседателей. — Пирогов здесь?

— Здесь, гражданин судья. Здравствуйте, гражданин судья!

— Здравств... Как? Это опять вы?

— Я, я, гражданин судья.

— Позвольте! Разве вы уже отсидели за последнюю вашу растрату... в этих... в яслях, что ли?..

— Это вы — про детский сад, гражданин судья? Отсидел. Давно. Я уже после этого у вас же судился по продуктовому магазину № 8.

— За растрату?

— А то как же? Знаете, гражданин судья, по какой линии пошел, по такой и идешь... А моя линия — статья 116-я — растрата...

— Когда ж вы опять успели?

— Так за продуктовый магазин я не сидел: вы же мне сами, гражданин судья, дали принудительные работы. На полгода.

— Ага... Может быть... Ну, давайте к порядку... На этот раз кто от вас пострадал?

— Вот — районный трест столовых и кафе. В деле имеется, гражданин судья.

— Знаю, что имеется. Представитель гражданского истца здесь?

— Здесь. Вот моя доверенность.

— Давайте доверенность... Как фамилия? Сипягин?.. Гм... почему мне ваше лицо знакомо?

— Так я же четвертый раз у вас в камере...

— Судились?

— Нет, гражданин судья, товарищ Сипягин всегда по моим растратам является. Как меня судят, так он гражданский истец. Почему? Потому что, где я растрачиваю, товарищ Сипягин всегда возглавляет. Как правило...

— Ну, хорошо. Давайте к порядку. Товарищ секретарь, записывайте... Обвиняемый, ваша фамилия?

— Так Пирогов же, гражданин судья. Неужели забыли?

— Отвечайте только на вопросы. Имя, отчество?

— Семен Тимофеевич. Тоже пора бы уж знать, гражданин судья.

— Обвиняемый, призываю вас к порядку!.. Сколько лет?

— 38... Да!.. 38 уж набежало... Время-то летит... Помните: первую растрату я делал в 32... нет, в 31 году. Молодой еще был я... Так вот годы уходят... А вам теперь сколько, гражданин судья?

— Вы будете отвечать на вопросы или болтать? Ваша профессия?

— Растра... то есть, тьфу!.. Хозяйственник.

— Что значит — хозяйственник?

— Ну, можно так: работник кооперации и народного питания. Так и запишите, Вера Петровна.

— Какая Вера Петровна? Кому вы говорите, обвиняемый?

— Да секретарше же вашей, гражданин судья! Вашей секретарше помогаю — Вере Петровне Коломойцевой. Слава богу, старая знакомая тоже. Что она, что судебные исполнители — все, можно сказать, приятели. Кто у вас в исполнителях? Ну, Лихарев, потом — Бремзе, Курочкина... Курочкина хотя сейчас от вас ушла... Где она теперь работает? Не знаете, гражданин судья? Тоже много денег с меня получила эта Курочкина... Бывало, приходит: «Есть деньги?» Такой комик, ей богу, эта Курочкина...

— Обвиняемый, вы замолчите или нет?

— Молчу.

— Значит, на предварительном следствии установлено, что вы, обвиняемый, имея на руках подотчетные средства треста столовых и кафе, не вернули этих средств — тысячу шестьсот рублей семьдесят две копейки.

— Правильно.

— Вам известно, что вы имеете право поручить ведение вашего дела защитнику?

— К чему это? Я и без защитника все знаю. Слава богу: посудился на своем веку...

— Как угодно. Ну, что ж вы можете сказать суду? Почему вы не вернули тресту тысячу шестьсот рублей семьдесят две копейки? Где деньги?

— Где, где... Деньги, конечно, тю-тю... Были бы деньги, не стоял бы я здесь перед вами. Вот месяца четыре назад растратил я что-то около пятисот рублей. Ну, понатужился, все собрал. Без вас обошлось, без суда то есть...

— Та-ак... Что вы можете сказать, гражданский истец? Почему это обвиняемый получает возможность совершать четвертую растрату...

— Не так, гражданин судья!

— Не перебивайте меня, обвиняемый!

— Я не перебиваю. Я только справку хотел дать: не четвертая растрата, а седьмая, гражданин судья.

— Тем более. И главное, все растраты совершены в тех учреждениях, которыми управляете вы, гражданин Сипягин!..

— А что ж тут такого, гражданин судья? Именно, что человек всегда тут, всегда на глазах. У нас растратит, у нас и отработает. И за судебные издержки заплатит. Этому Пирогову деньги дать на растрату — все равно в сберкассу положить. — Пирогов, ты сколько времени у нас в районе живешь?

— Десятый год, товарищ Сипягин!

— Ну, вот видите. Выгонись, например, Пирогова, а на его место пришлют такого, знаете, склочника.

— Достаточно. Ваша точка зрения ясна.

Судья склоняется к обоим заседателям и, установив, что у них вопросов не имеется, говорит:

— Обвиняемый, ваше последнее слово!

— Что ж я могу сказать в своем слове, гражданин судья? Я попрошу у вас такого приговора, который дал бы мне возможность возместить убыток, нанесенный мной государству, тут же, так сказать, не выезжая из района, и по возможности под руководством товарища Сипягина. Все.

— Суд удаляется на совещание! **В. АРДОВ.**

Доводим до сведения

СРЕДСТВО ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ПАМЯТИ

Старшему инженеру треста паровозоремонтных заводов Лебедеву иногда изменяет память.

Уже много лет подряд Великолукскому паровозоремонтному заводу баббит требовался для заливки подшипников. Но вот 27 мая, когда завод дал срочную заявку на этот металл, Лебедев вдруг запросил завод телеграммой: «Сообщите, для чего вам требуется баббит». А потом пошла длинная переписка: завод обвинял трест, трест — завод...

История эта кончилась тем, что заместитель народного комиссара путей сообщения тов. Торопченков сообщил Крокодилу: «Перебой в снабжении паровозоремонтного завода имени Гельца баббитом Б-16 имели место по вине Треста паровозоремонтных заводов. Сейчас завод баббит получил. Для предупреждения подобных случаев мной дано указание начальнику Треста тов. Дамасову расследовать данный случай и наказать виновных».

Думаем, что память у Лебедева теперь укреплится.

НАСТОЯЩАЯ ЗАБОТА

Директор Сажинской неполной средней школы Воробей и председатель Сажинского сельсовета не забывают о своей школе: школьное помещение давно не ремонтировалось, мебель развалилась, дров и воды в школу не подвозили. Сельсовет задерживал финансирование школы. Но о школе позаботились учителя: они написали письмо в Крокодил. Омский облОНО сообщает,

что по этому письму сняты с работы директор школы Воробей и председатель Сажинского сельсовета. Школа ремонтируется.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ПОМПОЛИТ

Крокодил получил сигнал о плохой работе и моральном разложении Рябитвы, заместителя директора по политической Красятинской МТС, Разваженского района, Киевской области. Матернал был направлен в Киевский обком КП(б)У. Оттуда нам сообщают, что Рябитва за неудовлетворительную партмассовую работу в МТС, за систематическое пьянство и издевательство над своей женой с работы заместителя директора МТС снят.

ЖДЕМ, НАДЕЕМСЯ...

— Спросите Гапу, — требовал в № 18 Крокодила управляющий сельской аптекой Строфантов, герой фельетона Мих. Львова. — Вы Гапу спросите, почему я работаю безо всякой охраны труда...

Просьба Отрофантова и других аптекарских работников выполнена. Крокодил спросил ГАПУ (точнее, Главную аптечную инспекцию Наркомздрава СССР) и получил в ответ сообщение, что Наркомздравом принимаются меры, улучшающие условия работы фармацевтов. К сожалению, ответ Главной инспекции особой конкретностью не отличается. Надемся, что мероприятия, проводимые Наркомздравом, окажутся и более конкретными и более содержательными.

На улице

Иллюстрации Е. Когана

Дозвольте, уважаемые товарищи, коснуться на этот раз вопросов хулиганства. С одной стороны, нам даже странно об этом говорить.

Люди у нас почти все грамотные. Многие, представьте себе, окончили семилетку. Получили знания по тригонометрии. Знают, что такое астрономия. Имеют смутные представления о луне. Брячат на рояле. Много купаются.

И вдруг такая, можно сказать, печальная несообразность — хулиганство.

Через это многие даже верить не хотят, что у нас есть хулиганство. И, наверно, по этой причине борьба с хулиганством проходит в ослабленном виде.

На улицах милиционеров мало. Вдобавок милиция стоит на проспектах. А на маленьких улицах никого нету. Что касается дворников, то некоторые из них пугливые. Чуть что — прячутся. Так что ночью буквально некому одернуть хулигана.

Тут мы записали несколько фактов, на которые следует обратить внимание.

1. Игра в футбол

Вечер. Идет по улице молодой человек. Техник по образованию. Он идет с девушкой. Он ее провожает. Они только что были в кино. Смотрели какую-то картину. И вот теперь они идут вместе. О чем-то тихо беседуют. Может быть, об искусстве плюс еще о чем-нибудь.

Вдруг навстречу им идут трое. И один из этих троих толкает нашего молодого техника плечом. И толкает до того сильно, что наш начинающий ученый отлетает на три шага. И при этом наталкивается на второго встречного.

Второй парень нарочно говорит:

— Ты чего тут путаешься под ногами?

И в свою очередь с силой толкает нашего техника, так что тот наталкивается на третьего парня.

Третий парень толкает к первому. Первый — опять ко второму. И так они повторяют эту свою игру до трех раз.

Наш техник, как футбольный мяч, летает от одного к другому. И только вскрикивает от обиды и огорченья.

Наконец, три типа с хохотом идут дальше, нарочно крича чорт знает что, чтоб оскорбить слух молодой девушки.

2. Плюнул от нечего делать

Я еду на трамвае. Стою на площадке. Уже вечер. Поздно.

На повороте, у городского театра, идут через улицу трое. Один, слегка выпивший, несет на руках младенца. Другой идет позади вместе с какой-то тегушкой. И все трое поют не в полный голос. Вероятно, возвращаются с именин.

Вот мой трамвай равняется с этой компанией. И вдруг молодой тип, несущий на руках ребенка, прицеливается губами и плюет на мой костюм.

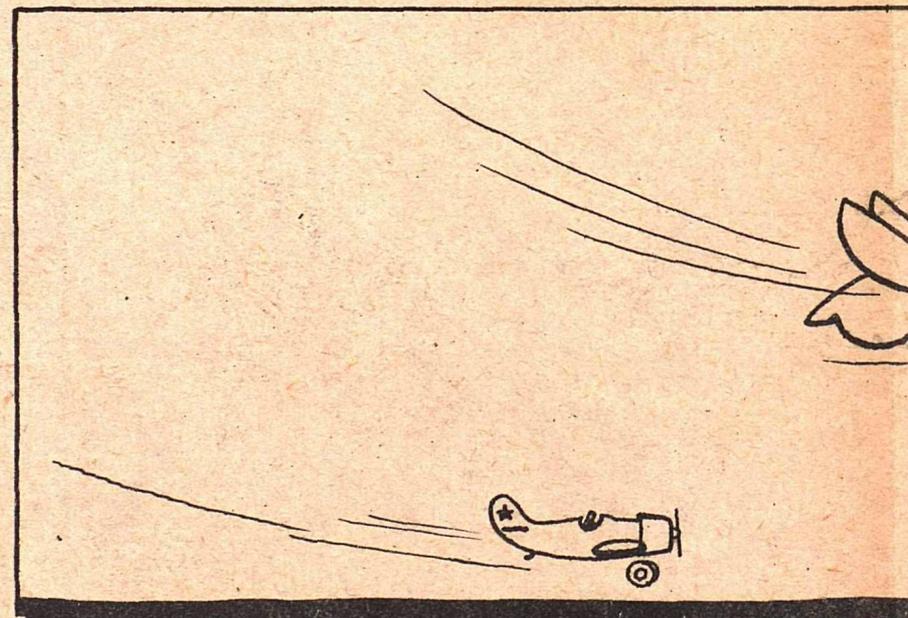
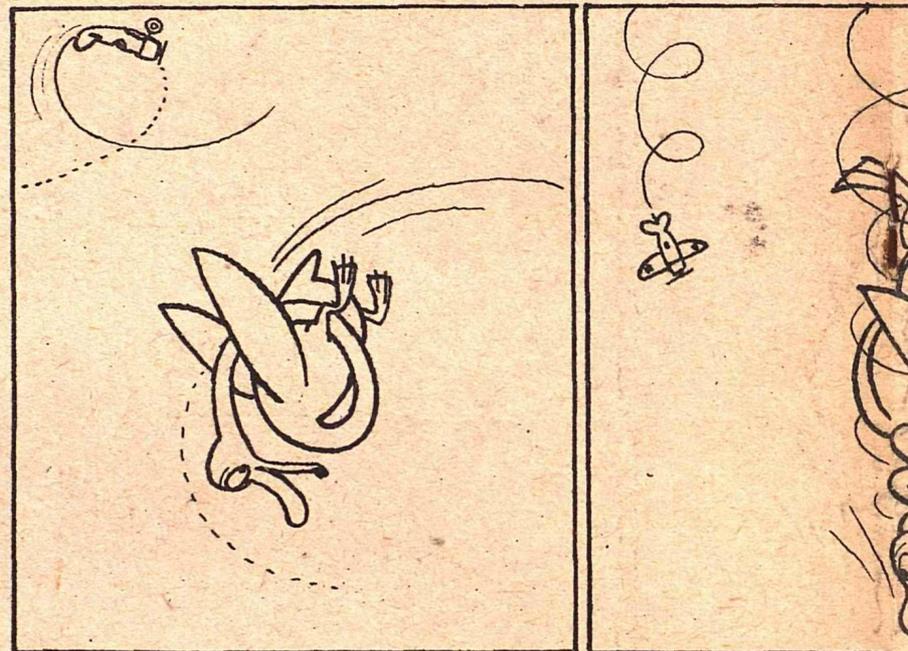
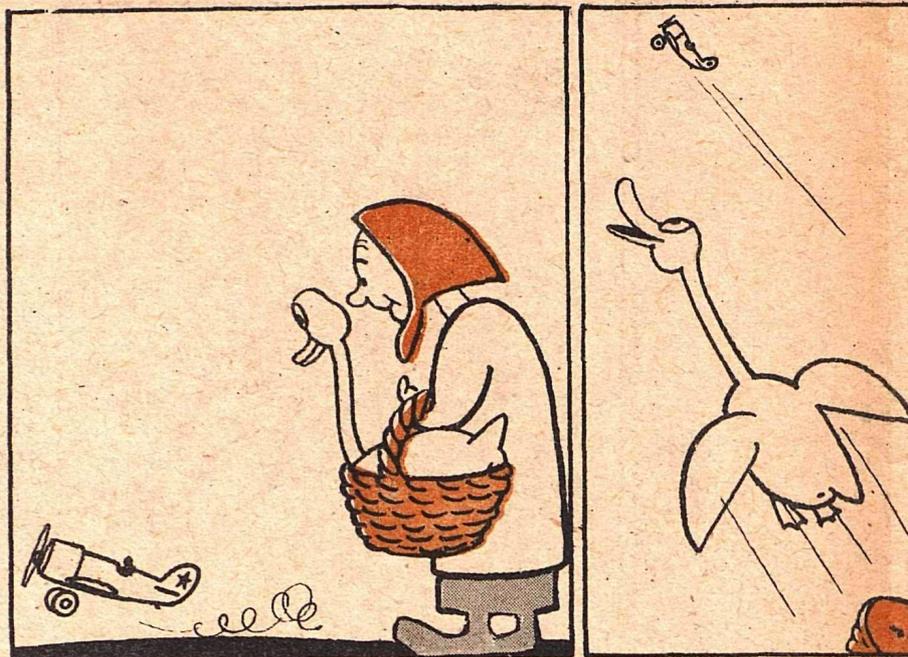
Я моментально соскакиваю с трамвая и хватаю его за руку. Но он с ребенком. И мне неловко и неудобно его держать.

Тогда я иду за ним, и мы доходим до Пушкинской улицы.

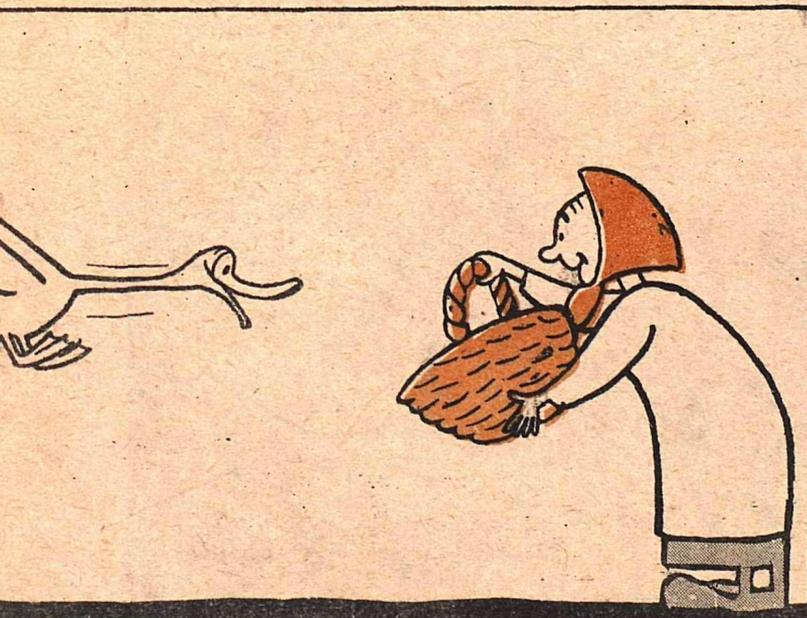
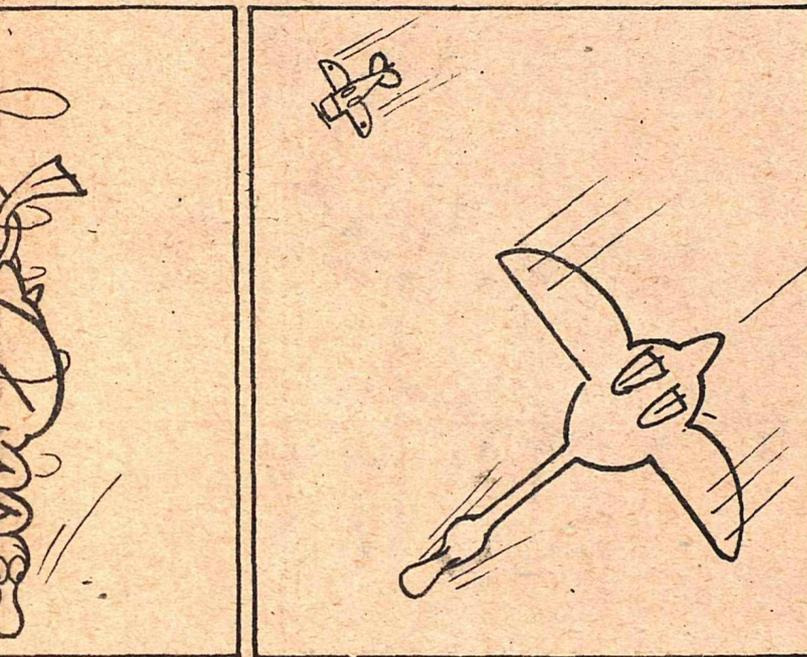
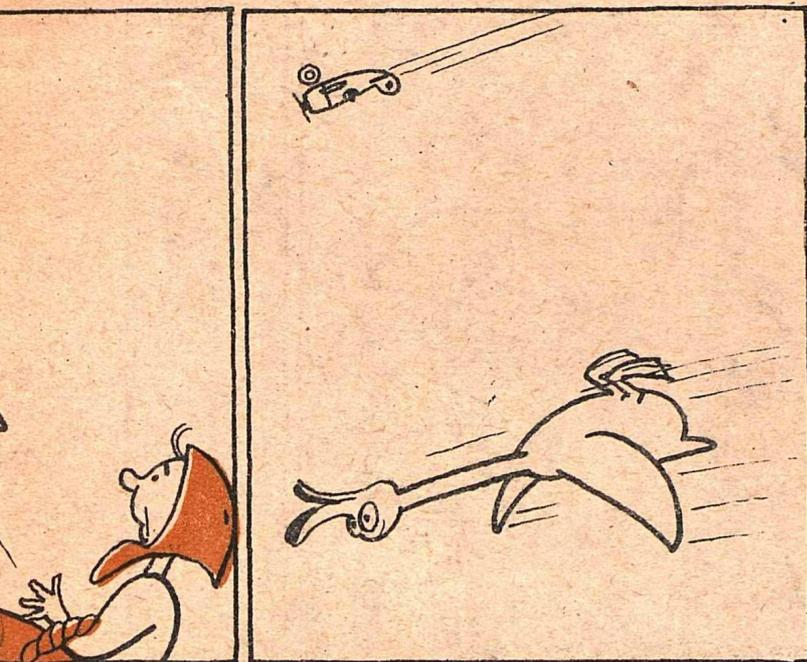
Я там хочу сказать об этом случае милиционеру. Но там в стеклянной будке сидит только регулировщик. Вдобавок, ему некогда. Он вертит ручку светофора и одним ухом слушает меня.

Двое, которые шли с парнем, исчезают. А парень говорит милиционеру:

— Сам не знаю, чего этот чернявый привязался ко мне. Идет за мной, как тень, и вдобавок хватает за руку. А я иду с ребенком и ему ничего не сделал.

ПРИКЛЮ
МОЛОДОГО ЛЮБОЗНАТЕЛ

Р. Р. 32.

Рис. К. Ротова

ЧЕНИЯ
ЛЬНОГО ГУСЯ МИТЬКИ

Я говорю парню с ребенком:
— Мало того, что ты хулиган, — вдобавок ты еще трус.
И, махнув рукой, ухожу. Парень кричит:
— Эй, задержите этого! Чего он меня оскорбляет, когда я несу ребенка.

3. Гарун Аль Рашид

В дачной местности (куда я приехал погостить к своим знакомым), у вокзала, стоит будка. И там торгуют пивом и вином.

Конечно, у будки постоянно крики, вопли, брань и так далее. Некоторые алкоголики тут же спят. Другие «стреляют» у прохожих, поскольку им не хватает на «маленькую».

Если не дашь, то чего-нибудь крикнут вдогонку или грозят бутылкой.

Давеча один лег на панель и стал прохожих хватать за ноги.

Тогда я сказал милиционеру, дескать, некрасивое зрелище, надо что-нибудь сделать, а то по панели нельзя ходить.

Милиционер говорит:

— Видите, это местные хулиганы. Их тронешь — потом жизни будешь не рад. Вы не идите по той панели, а идите по этой.

Я так и сделал. Пошел по другой панели. И зашел к начальнику милиции. Начальник милиции сказал:

— Не знаю, как в других дачных местностях, но у меня хулиганства нету. Может быть, есть, но настолько мало, что обсуждать не приходится. Взгляните в нашу дежурную книгу, там вы не найдете о хулиганстве ни одной записи. И ни один милиционер мне об этом ничего не сообщил!

Я говорю:

— Гарун Аль Рашид имел хорошую привычку не верить своим министрам. Он лично заходил в дома и наблюдал, как живут люди. Вот и вы надели бы штатский костюм и кепку и прогулялись бы по вашим владениям.

Начальник милиции, улыбнувшись, сказал:

— Надо будет действительно попробовать. А то все больше на моторе езджу и, может быть, не замечаю то, что надо замечать.

На этом мы с ним любезно распростились. И теперь я ожидаю некоторых перемен на фронте хулиганства.

Мих. ЗОЩЕНКО

ПРОДЕЛКИ ГРОЗЫ

Наука, нам кажется, несколько усложнила вопрос о бессмертии. И, пожалуй, поэтому до сих пор проблема окончательно не разрешена: люди продолжают умирать.

Исследования редакции «Актюбинской правды» в этой области оказались удачнее. Правда, полного разрешения проблемы бессмертия и она не добилась, но с 18 июля сего года через отдел происшествий редакция все же открыла своим читателям лавейку в бессмертие:

«ПРОИСШЕСТВИЯ»

9 июля в поселке Тамды, Ключевого района, при почтовом отделении грозой убило сотрудницу почты Ворону М. С. К пострадавшей была вызвана медработник тов. Квинт П. Ф., которая приняла срочные меры, и жизнь Вороны была спасена. Через некоторое время Ворона почувствовала себя здоровой.

Интересно знать, как чувствуют себя после этого вороны из редакции «Актюбинской правды»?

ВОПРОКИ ПОСЛОВИЦЕ

Есть такая хорошая «Лирическая песня». Композитор Дунаевский прекрасно передал в мелодии настроение влюбленных. Автор текста Волженин, в свою очередь, вложил это же самое настроение в стихи. Он учел, что влюбленные часто заговариваются, и постарался передать эту особенность в следующих строчках:

«Приходи вечер, любимый,
Приголубь и обогрей...»

Все это очень приятно. Но когда приходит? Вечер? Попробуй, любимый, приди, если слово «вечер» значит «вчера вечером». Нечего сказать, любезное приглашение. «Приходи вчера вечером, любимый!!»

А песню жаль. Хорошая песня и вопреки пословице слово из нее надо выкинуть. Автору же необходимо указать на недопустимость и поставить на вид. Причем сделать это надо не вечер, а нынче.

Рис. Л. Генча

- Тут я подавал заявление о приеме в партию... в десяти экземплярах.
- Зачем же в десяти?
- А для скорости. Вы ведь сказали, что как только поступит к нам в партком десяток заявлений, так сразу будем их рассматривать...

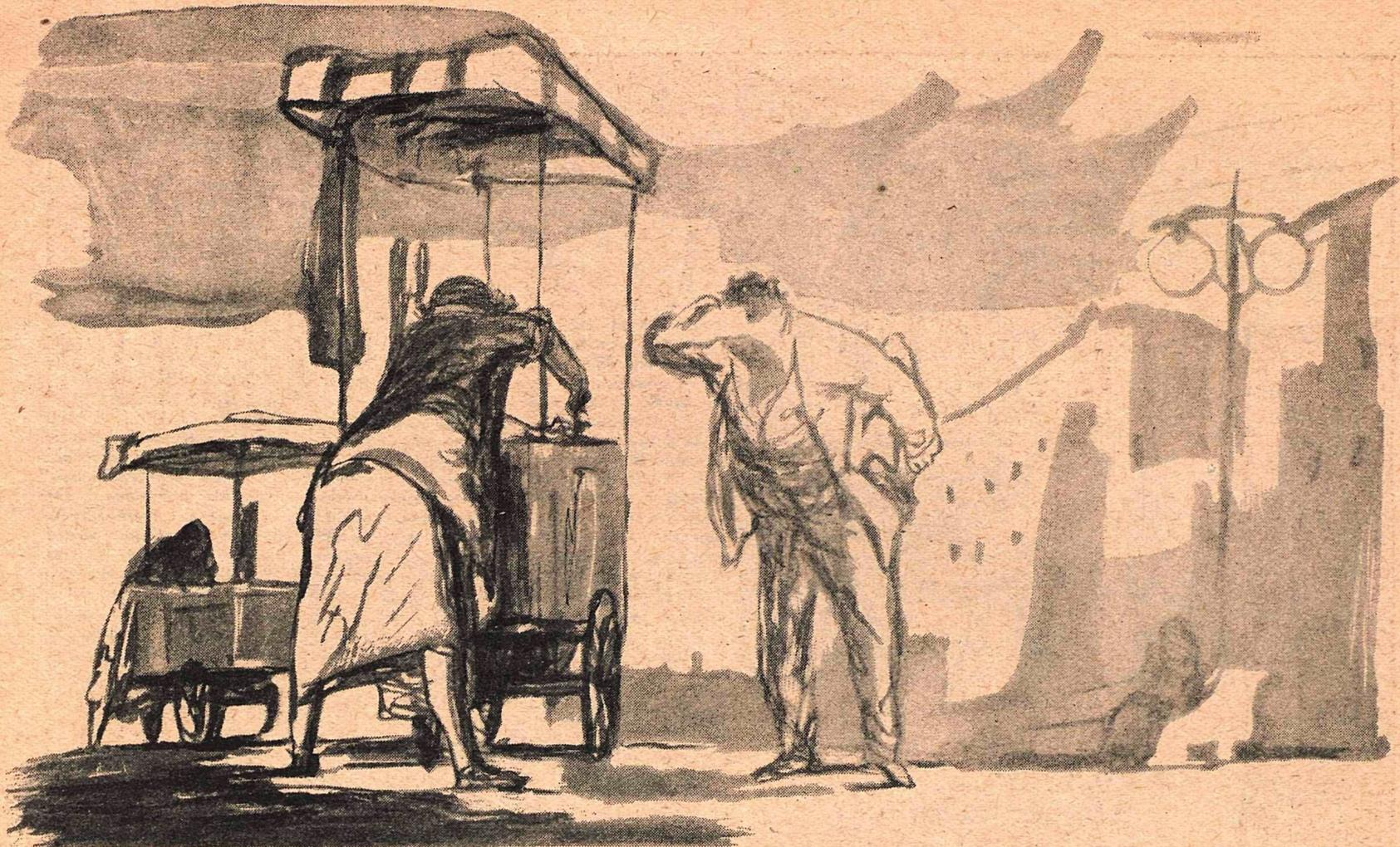

Рис. Л. Соффертиса

ТОНКАЯ АССОЦИАЦИЯ

— Почему вы так хвалите это ситро?

— А видите ли, оно пахнет тем самым семейным мылом, к которому я давно привык, но последние две недели нигде не мог достать.

Мяжкий знак

Время года теперь такое, что хочется писать только о веселом. А вот — что поделаешь? — вынужден поделиться с вами печальной историей.

Итак, сообщаю вам о нижеследующем: Гаврил Гаврилыч приехал в санаторий и в первый же день, захватив свой кожаный чемоданчик, бросил санаторий и поехал домой.

Вы не знаете Гаврил Гаврилыча, а поэтому вы удивлены и, может быть, даже склонны осудить его за такой опрометчивый поступок. А Гаврил Гаврилыч работает мастером на нашем заводе. Все мы хорошо знаем, что мастер сборочного цеха отличается своей четкостью, аккуратностью. Он требователен к себе и к другим.

Это добродушный старик, охотник до шутки, до веселой песни. Но он становится ворчливым, сердитым, когда замечает в чем-либо неточность, неряшливость, брак.

Так на работе, так и в быту. Его одинаково раздражает плохая точка винта, фальшивая нота у певца, опечатка в газете, пятно на скатерти.

И вот приезжает он в санаторий. Сердце, видите ли, у старика начало что-то пошаливать. Дали Гаврилычу путевку — отдохнуть, полечиться.

В первый же день пошел Гаврил Гаврилыч к врачу. Тот его долго осматривал, выстукивал, выслушивал, заставлял дышать и не дышать.

И врач прописал ему какой-то особенный душ. Дал ему записочку и говорит:

— Идите, пожалуйста, к медицинской сестре, она вам все устроит.

Взял Гаврил Гаврилыч записочку. Пошел. Потом, вспом-

нив о записочке, остановился, надел очки и стал читать...

И вдруг старик сердито заворчал. Повернулся назад. Быстро поднялся по лестнице в свою комнату, схватил чемоданчик и, никому не говоря худого слова, подался на вокзал.

Через несколько часов он был дома. Начались, конечно, расспросы: что случилось, почему, отчего?

— Варя! — обратился Гаврил Гаврилыч к своей младшей дочке, ученице девятого класса. — Вот бумага и карандаш. Пиши под мою диктовку. Пиши: «Гражданину Г. Г. Гравцову прописывается душ...» Написала? Покажи... Так. Скажи мне теперь наизусть, как пишется слово «душ»?

— Д.У.Ш.

— Д.У.Ш. А после «ш» не полагается ставить мягкий знак?

— Откуда же там мягкий знак?

— Это ты твердо знаешь?

— Твердо.

— Значит, вас учат правильно писать. А что ты скажешь о таком человеке, который университет окончил и пишет душ через мягкий знак?

— Очень просто: невежда. Плохо учился.

— Вот и я такого мнения. Теперь понятно вам, почему я уехал из этого санатория? Врач написал в записке слово «душ» через мягкий знак. Какой же это врач? Это невежда. Это человек, который не хотел учиться. Как могу я доверить такому человеку свое сердце, свое здоровье?..

Разве это не печальная история?..

Г. Рыклин

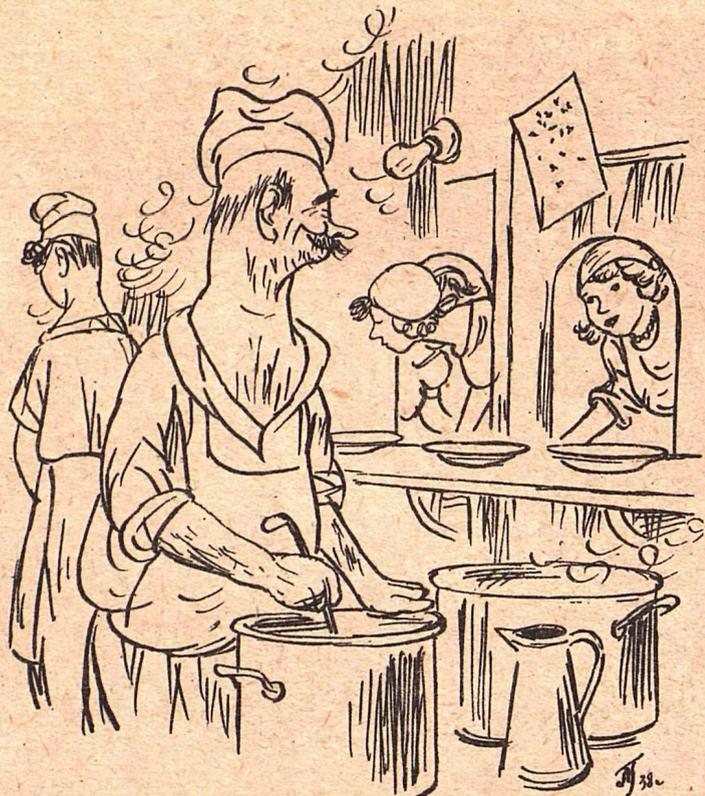

Рис. Л. Генча

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

— Откуда ж он узнал, что у нас новая судомойка?
— Да, говорит, отпечатки пальцев на тарелке совсем другого фасона.

...Все взгляды устремились на длиннорукого человека с печальными глазами.

— Это было, — негромко начал он, — в тысяча девятьсот двадцать пятом году, в городе Калуге. Я тогда был подхалимом. Я теперь могу смело и открыто сказать об этом.

Подхалимы имеют два основных вида: льстецы и собственно подхалимы.

Льстецы — это высший вид. Это люди осмотрительные, умелые, начитанные и даже порою умные. Они часто преуспевают.

Собственно подхалимы — это низший вид. Это — скудомное, но резвое племя. Это люди пересола, преувеличения, чрезвычайности. Там, где льстец, выслушав шутку начальника, только чуть улыбнется, его резвый собрат примется скалить морду всю, до ушей. Подхалимы следят за мановением начальственной руки. Перст указывает: «Плохо». Эти ребята сейчас же вопят: «Отвратительно!», «Преступно!» Перст — «Хорошо». Стрекачи же — «Великолепно!», «Неслыханно!» Их просят поднять, а они — до неба. Просят опустить — они в пучину морскую. Просят открыть окно — они выламывают стену. Просят закрыть — они замуровывают даже форточки.

Я принадлежал к подхалимам последнего типа, к низшему виду, к пресмыкающимся. Это было в Калуге в тысяча девятьсот двадцать пятом году. Утром 31 декабря я подал заявление на имя директора «Калугпромхозсбыта» товарища Гниенко о зачислении меня на должность товарного агента. А вечером этого дня — так случись! — оказался я на встрече нового года за одним столом с упомянутым начальником... Вы сами понимаете: тянулся ли Гниенко за солью, за бутылкой, за блюдом — я все тотчас пододвигал, подставлял, подливал. Я делал за него все, он только ел. Да раза два он сам себе почесал спину: сидели тесно, мне было не дотянуть руки, а то бы и почесал...

Теперь так уж и не пьют. К трем часам ночи все лежали бездыханно. То там, то здесь — как на поле брани — поднимется рука, шевельнется нога, да раздастся стон. Я пил мало, ибо в моем положении нельзя было иначе. Когда же Гниен-

Мы приехали в Талдом утром, в обычный рабочий день. И сразу нас поразила особая, мы бы сказали, праздничная тишина.

Недалеко от станции мы увидели строящееся здание. На лесах не было ни души. Заметив наше недоумение, словоохотливый прохожий поспешил дать пояснения.

— Празднуют жители... — сказал он и сделал неопределенный жест.

— А какой нынче праздник? — полюбопытствовали мы.

— Да, господа, петров же день!

Вежливо, но твердо нам вскоре дали понять, что мы вообще ни черта не смыслим в святцах, что на носу «казанская», потом «Аграфена-купальница» и, наконец, сам «святой Илья».

В редакции районной газеты «Коллективный труд», куда мы первым делом направились, в муках рождался очередной номер. Ответственный редактор самолечно расклеивал гранки. Потные сотрудники сельхозотдела «висели» на телефоне, собирая вести с полей.

Вести поступали неутешительные.

В деревне Храброво не работали четверо суток: «справляли» петров день. В Бучеве от требовательного этого апостола отделились только тремя рабочими днями.

— Это просто беда, сколько святых! — жаловались сотрудники сельхозотдела. — И все, как на грех, летом именинники. А тут уборка...

Редактор мрачнел на глазах.

— Надо будет ударить, — решительно говорил он. — Надо будет крепко выступить. Надо будет мобилизовать внимание. Дальше так нельзя будет!

Редактор развивал свои мысли, обнаруживая редкостную любовь к будущему времени.

Но нас интересовало и прошедшее и настоящее. Мы попросили комплект газеты «Коллективный труд» за этот год. Мы тщательно перелистали комплект. За три месяца газета только один раз «ударилась» по церковникам. И как ударила! Не кулаком, а подушкой.

В косноязычной статейке, помещенной 22 июня, задним числом разоблачался «нелепый троицын день», который был пышно отмечен церковниками еще 12 июня. Вместо серьезного разъяснения неисчислимого вреда, приносимого религиозными праздниками, газета ограничилась неграмотной и развязной болтовней о «древесных духах плодородия».

— А вы пойдете в райком, — сказали нам в редакции. — Там все знают. Там есть один такой материал... А у нас что? У нас плохо. Но мы ударим. Надянь ударим.

В райкоме собиралось бюро. До начала заседания мы беседовали с секретарями райкома товарищами Жариковым и Козаковым.

Мы начали, как в английском парламенте:

— Известно ли райкому, что

Трепет

ко пал и бдительное око будущего начальника померкло, вина уже больше не осталось. Он лежал, эта моя надежда, на девичьей постели широкий, тучный, подмяв под себя всякие невинные бантики и кружевца...

Хозяин-добряк не отстал от гостей. Сон его сморил в кухне, где он жег сахар для какой-то адской смеси, которую там, в зале, уже давно выпили и без сахара.

Хозяйка квартиры не знала, что делать: все кровати, диваны, кушетки и даже пол заняты телами — ни прилечь, ни отдохнуть... Я был единственным сейчас трезвым мужчиной и тщился помочь ей, но, право, что я мог присоветовать?! Женщины, однако, находчивы. Хозяйка позвонила в конный парк, где работал ее брат, и просила прислать парную подводу.

Пока лошади подходили, мы занялись описью имущества. Хозяйка почему-то нашла, что у меня четкий почерк. Вручила мне столбик мела, и мы пошли в прихожую. Тут под ее диктовку и по ее указаниям я стал писать на спинах шуб и пальто, снятых для этого случая с вешалки. Она прекрасно разбиралась, чье пальто, чья шуба, где человек живет, — вплоть до номера квартиры. Я ходко катал мелом на одеждах фамилии и адреса...

Через полчаса, к моменту прибытия лошадей, все было сделано. Имущество не только было помечено в штуках, но и занесено отдельной описью с порядковыми номерами в разносную книгу, случайно завалявшуюся в доме. Номера были проставлены так, чтобы сэкономить маршруты: если, скажем, Иванов живет недалеко от Васильева, то и номера их рядом.

Двое дюжих грузчиков, румяных от мороза, стараясь не наследить снегом на полу, приволакивали из комнат в прихожую живую свою кладь. Запихивали людей в шубы — я следил, чтоб не потревожили меловые надписи, — и, перекинув через плечо, несли к подводе.

Их сложили, как дрова, поперек подводы и прикрыли от снега брезентом. По просьбе хозяйки, я согласился сопровождать груз. Взял подмышку разносную книгу в холщевом переплетке с тесемкой, сел на уголок подводы, и мы тронулись в путь...

церковники развили в районе бешеную активность, что, например, в селе Николо-Кропотки регулярно собираются «пленумы» церковного актива и проводятся незаконные поборы с населения?

Секретари райкома охотно приняли этот стиль учтивого английского пустословия.

— Да, да, — говорил товарищ Жариков, — церковники доставляют много огорчений мне и моим коллегам. Да, да, нам известны факты, на которые ссылается джентльмен... то бишь товарищ из Москвы.

— А известно ли distinguished товарищам, что в тех же Николо-Кропотках, на паперти божьего храма, однажды появилась оригинальная «доска показателей»: список лучших плательщиков-ударников и список недоимщиков господ бога?

— Да, да, — отвечал товарищ Жариков от имени талдомских либералов, — да, нам это известно. Я и мои коллеги чрезвычайно огорчены.

Признаемся честно: нам так и не удалось чем-нибудь удивить или озадачить товарища Жарикова и его коллег. В райкоме были отлично обо всем осведомлены. Больше того: мы сами узнали в райкоме немало нового.

Оказывается, в тех же Николо-Кропотках разработана особая «прогрессивная шкала» для взаимания поборов с верующих: с одной

души — x рублей, с двух душ — $x + 1$, с трех душ — $x + 1 + 1$ и т. д.

Выяснилось, что перед праздниками по дворам отправляется вооруженный квитанционной книжкой церковный староста Петелин. И на каждый праздник у него особый тариф. Пасха оценивается в три рубля с души. «Николай угодник» идет всего по полтора рубля...

— А что же делает райком, чтобы обуздать мракобесов? Что делает высокочтимый совет безбожников?

— К сожалению, я затрудняюсь назвать мероприятия, которые были бы предприняты организациями, упомянутыми в вопросе товарища... т. е. джентльмена, из Москвы, — ответил Жариков. — Мы пока еще изучаем положение. Я и мои коллеги. Мы еще не вмешивались.

А пока длится невмешательство, в совете безбожников царит тишь, гладь да божья — именно, божья! — благодать. Четыре месяца не было ни одного заседания совета. Райком ни разу не обсуждал доклада о безбожной работе в районе.

Кто же, наконец, внушит товарищу Жарикову и его хладнокровным коллегам, что Талдом — не Лондон, что Жариков — не лорд Плимут, а райком — не комитет по невмешательству?

ЛЕВ МАКСИМОВ

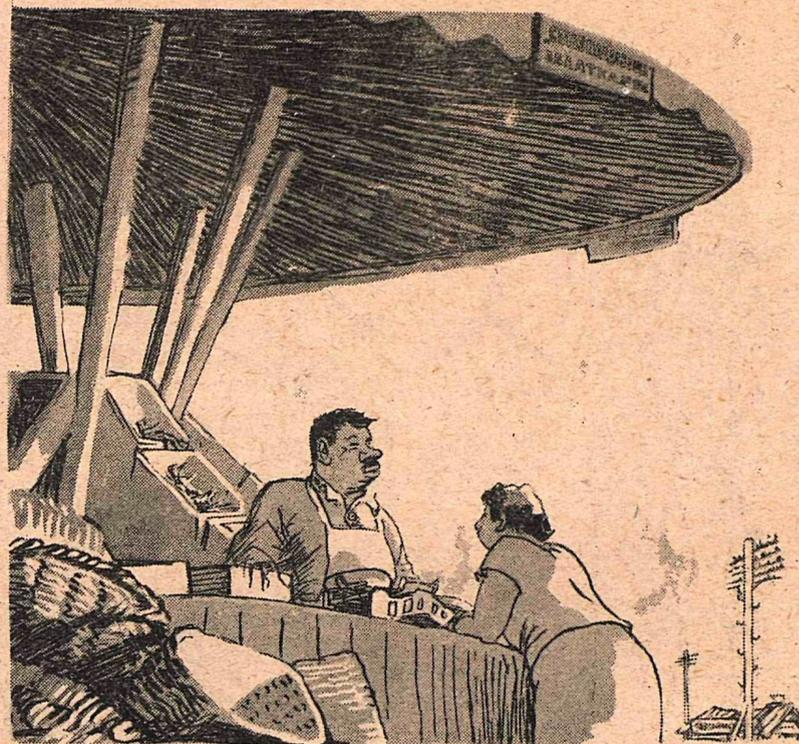

Рис. И. Семенова

ТОРГОВАЯ ТОЧКА

ЗАВМАГ: — Какой интерес торговать овощами! Как привезут, так сейчас все и раскупят, один мусор остается. Нет, я люблю товар солидный, спокойный, чтобы он с полка года три не сходил.

НАЯ НОЧЬ

Все шло прекрасно. Мы крутили по городу и, справляясь с разносной книгой, оставляли то там, то здесь тело. Иногда под брезентами возникали чьи-то голоса, которые просили передать с того конца стола раковый пащтет, сардины, бутылку. Один голос взволнованно требовал поскорее соли, чтобы засыпать винное пятно на скатерти...

Когда очередь дошла до Гниенко, я приказал грузчикам поднять его вдвоем, нести бережно и вежливо передать в руки семьи.

Под брезентом оставались сущие пустяки: счетовод второго разряда, какой-то чтец-декламатор и владелец писчебумажной лавчонки.

Вдруг я вспомнил!..

Я тотчас соскочил с подводы и побежал обратно. Я бежал обратно, не зная, что теперь со мной будет. И как это, как это все случилось!..

В окнах квартиры Гниенко еще горел свет. Свет-то свет, но как войти? Что сказать? Я курсировал около подезда туда-сюда, но ничего не приходило мне в голову... Я знал, что надо проникнуть в дом скорее, как можно скорее, ибо вот-вот могли погасить свет — и тогда еще труднее, еще бестактнее...

Но от спешки путались мысли. У меня горели уши, падало сердце, я был несчастным человеком. Место торгового агента в калужском «Промхозсбыте» уходило от меня навсегда...

Завтра товарищ Гниенко сличит почерки на спине своей шубы и на моем заявлении о принятии на работу. Сличит и поймет, кто распорядился его персоной как говяжьей тушей. Ликуя и шипя, он начертит на заявлении — и будет прав! — страшное: «Отказать». В то время — это не сейчас — не так-то легко было получить другое место да еще такое интересное!..

Зажмурившись и очертя голову, я бросался, как в воду, к двери, к кнопке звонка — эх, была не была! Но, задыхаясь, останавливался: нет, без всего войти нельзя. И я опять курсировал туда-сюда... А свет вот-вот потушат...

И внезапно пришла мысль. Очень простой, очень правдоподобный предлог войти в дом.

Я распахнул свое пальто и застегнул первую петлю на вторую пуговицу, вторую петлю — на третью. Пальто перекосило меня. Я еще подпернул одно плечо, изогнул шею, как скрипач, и, окончательно скособоченный, нажал кнопку звонка.

— Простите, пожалуйста, — сказал я, начав конфузливо улыбаться еще за дверью. — Простите, но, видите ли, я встречал новый год в одном месте с вашим мужем... И при раз'езде перепутали шубы (тут я довольно натурально хихикнул и показал на свое подлое мешковатое пальто). ...Я бесполоко вот уже третий дом... Я не стал бы затруднять вас, если бы дело шло только о моей шубе, но, как мы установили, трое или четверо обменялись шубами... И возможно ваш супруг...

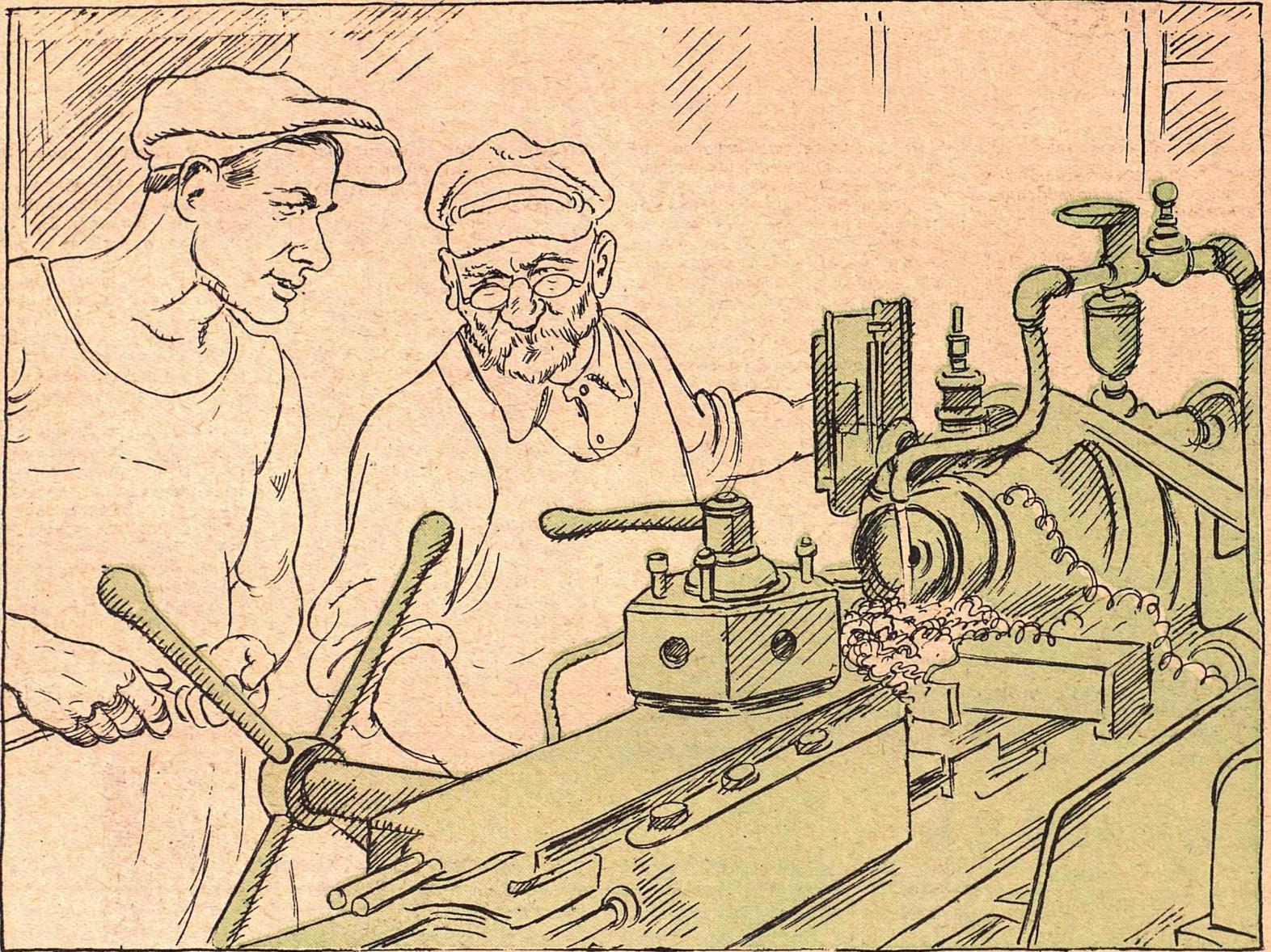
Мадам Гниенко тотчас бросилась к вешалке (до этого она слушала меня, ужасаясь, что я пришел менять хамское мое пальто на роскошную шубу ее мужа). Немедля я поспешил за ней. Мадам сразу опознала шубу мужа, но для меня это было невыгодно. Я сказал ей, что это — увы! — конечно, не моя шуба, но у одного из пострадавших была шуба, очень похожая на эту. И владелец ее указал мне даже приметы.

— Это мы сейчас узнаем, — сказал я, принимая на себя шубу.

Я вертел ее, тискал, шупал... Я вертел и тискал ее до тех пор, пока не вытер о свое пальто меловой адрес на ее спине. Повеселевший, я передал шубу в объятия мадам Гниенко — да, она права: это шуба ее супруга. Извинился, вздохнул этак иронически: кому спать, а кому, вот, свою шубу искать — и, кособочась в своем перекошенном пальтишке, как паралитик, я двинулся к двери.

Через несколько дней я был принят в Калужский «Промхозсбыт». Рассматривал мое заявление и принимал меня уже новый директор. Гниенко же Павел Антонович был к этому времени переброшен на другую работу; передавали: нето администратором какой-то хоровой капеллы, нето что-то по мясохолодильному делу.

Ник. Москвин

Дир. Ефимова-38

СРЕДИ СОЧУВСТВУЮЩИХ

Рис. Бор. Ефимова

- Почему наш партком не ведет с сочувствующими никакой работы?
- Боится, что кандидаты партии обидятся. Ведь с ними тоже никакой работы не ведут.

СОБЫЙ ОТДЕЛ

НЕХИТРЫЙ ТЕЗИС

Ну, все знают это изречение насчет воды и ребенка. Дескать, нельзя с водой выплескивать из ванны и ребенка. Все знают, кроме начальника 40-го отделения московской городской милиции.

Этот начальник отправил такую бумагу:

«Секретарю парткома завода им. Горбунова тов. Кузнецову.
Копии: председателю завкома з-да тов. Халанскому. Директору культбазы з-да тов. Синицыну.

На территории вашей культбазы имеется открытая, т. е. бесплатная, танцевальная площадка, на которую собирается много молодежи со всех концов Москвы.

Эта танцевальная площадка превратилась не в культурный очаг, а в очаг хулиганства и карманных краж, следствием чего является увеличение хулиганских выходов и драк.

Пьяные хулиганы избивают рабочих вашего завода и всех, кто попадает им под руки, особенно за последнее время.

В настоящее время для борьбы с хулиганством мной установлено ежедневное дежурство уличного инспектора на культбазе с 20 до 0 ч. 30 м.

Но для того чтобы изжить эту заразу — хулиганство — и создать действительно культурный уголок, где бы рабочий мог спокойно отдохнуть душой и телом в свое свободное время, со своей стороны предлагаю вам немедленно закрыть открытую танцевальную площадку, в противном случае она будет закрыта в административном порядке.

Нач. 40-го милиции сержант милиции ИВАНОВ»

Значит, так: товарищ Иванов считает, что бороться надо не с хулиганами, а с танцами. Очень хорошо. А теперь, допустим, завтра на месте танцевальной площадки будет открыт шахматный навильон, потому что надо же людям как-то проводить досуг.

Ну, придут в шахматный навильон хулиганы. По Иванову, придется разогнать шахматистов.

Откроют какой-нибудь хоровой ансамбль. Придут хулиганы — разогнать ансамбль.

И так далее. Словом, всем будет плохо, кроме хулиганов, потому что лица, принадлежащие к этой категории, могут проявлять свою «деятельность» как угодно.

Эх, товарищ Иванов, товарищ Иванов, постарайтесь проработать тезис о ребенке и воде, который нами изложен выше!

ЧЕРЕСЧУР СУРОВАЯ АПРОБАЦИЯ

Узнав о том, что их ждет, комбайнеры Вишевицкой МТС, Радомышльского района, похолодели от ужаса. Директор изменился в лице, а впечатлительная повариха завывала в голос.

— Ой, болезные! — причитала она. — Неужто всех водой?!

— Водой, — хмуро подтверждал директор, — велено испытать всех до единого.

— Это как же? — робко осведомлялись готовые ко всему комбайнеры. — Во внутрь или поливать будут?

— Еще неизвестно. Сказано только, что перед этим придется пробежать километров двадцать.

— Комбайнерам?

— Им. Если не верите, смотрите сами.

И директор безнадежно протянул одному из комбайнеров отпечатанное на стеклографе в 60 эк-

земплярах распоряжение житомирского облзупа. Там было напечатано буквально следующее:

«В связи с установленным фактом аварии контейнера предлагаем произвести предварительные испытания путем апробирования всех завезенных комбайнеров водой при пробеге на 15—20 километров, после чего допустить к эксплуатации».

Никаких сомнений! Или комбайнеров хотят испытывать водой, что мало вероятно, или в облзупа подписывают циркуляры, не читая, и шлют на места косноязычный бред. Последнее более вероятно, и комбайнеры могут облегченно вздохнуть, так как, очевидно, речь идет не о людях, а о машинах.

Что же касается руководства облзупа, то ему облегченно вздохнуть не надо. Пусть вздыхает горестно! Пусть сокрушается при виде такого рагильдизма в своем аппарате!

Дорогой Крокодил

Дорогой Крокодил!

Хочу тебе рассказать о том, как три человека позаботились о четвертом и что из этого получилось.

Пишу тебе из далекого города Ленинакана, Армянской ССР. Пишу тебе из того города, в котором председателем городского совета работает неутомимый товарищ Аракелов Сергей Джаватович, где управляющим делами городского совета является чуткий и отзывчивый Хачик Дургарян и где цветет и благоухает ответственный работник соцстраха Шушик Галустян.

И вот эти три товарища оказали внимание работнику текстильного комбината тов. Оганесю.

Дело было так: Оганесян подал на одного местного врача заявление, обвиняя его в бюрократизме, в плохом отношении к больным. Это заявление жалобщик адресовал Аракелову, председателю городского совета. Председатель — он рассудит, он найдет виновных.

Но председателю некогда читать все заявления, поступающие от граждан на его имя: у председателя есть более важные дела. Он быстро взглянул на бумажку, тут же он вспомнил что-то из другой бумажки, все это у него в голове смешалось, и председатель, не долго думая (скорее всего, вовсе не думая), начертил резолюцию:

«Отказать, он может поступить на легкую работу!»

Бумажка с резолюцией поступает к управделу, к Дургаряну. Он тоже занят. Он тоже не охотник читать, и Дургарян кладет новую резолюцию:

«Тов. Шушик (т. е. Галустян), удовлетворить в первую очередь».

Тов. Шушик (т. е. Галустян) тоже очень занят. Он тоже не любит читать. И Галустян пишет новую резолюцию:

«Квартир нет, удовлетворить не можем».

Так у нас в Ленинакане был поставлен своеобразный рекорд рассеянности, а за одно и пе-

чальный рекорд пренебрежения к жалобам трудящихся.

Н. КОСТЮЧЕНКО
Ленинакан.

Товарищ Крокодил!

Это просто удивительно, до какой степени на курорте Старая Русса расходятся методы лечения с методами развлечения! Лечат все больше от подагры, ревматизма и пр. Многие больные на костылях. Почти всем быстро передвигаться затруднительно. А культработа главным образом состоит из танцев и подвижных игр.

Впечатление такое, что врачи с культработниками никогда в жизни не встречались и культработники понятия не имеют о том, с кем они должны заниматься.

Нельзя ли, в крайнем случае, игры и танцы проводить такие, в которых можно было бы использовать костыли?

Б. АЛЕКСЕЕВ
Ленинград.

Уважаемый Крокодил!

Мой рост 1,9 метра, и поэтому мне незачем заходить в магазины ширпотреба: одежды для меня в магазинах нет. Нет и обуви (№№ 46—47). Наши фабрики не шьют одежды и обуви таких больших размеров. Все мои попытки сшить себе что-либо по индивидуальному заказу также кончались ничем, причем отказ сопровождался язвительным замечанием: «Не надо было расти до этих размеров!» И действительно, с детства я тянулся вверх с преступной беспечностью, не задумываясь над тем, что мой рост будет лимитироваться соответствующими швейорганизациями. Но, с другой стороны, нельзя же мне ходить разутым и раздетым.

Прошу тебя, Крокодил, объяви на своих страницах, что я меняю свой большой рост на меньший. Готов с доплатой.

Лесоруб Плещецкого Лестранхоза НКПС А. СПЕЛМАНС
Ст. Плещецкая, Северн. ж. д.

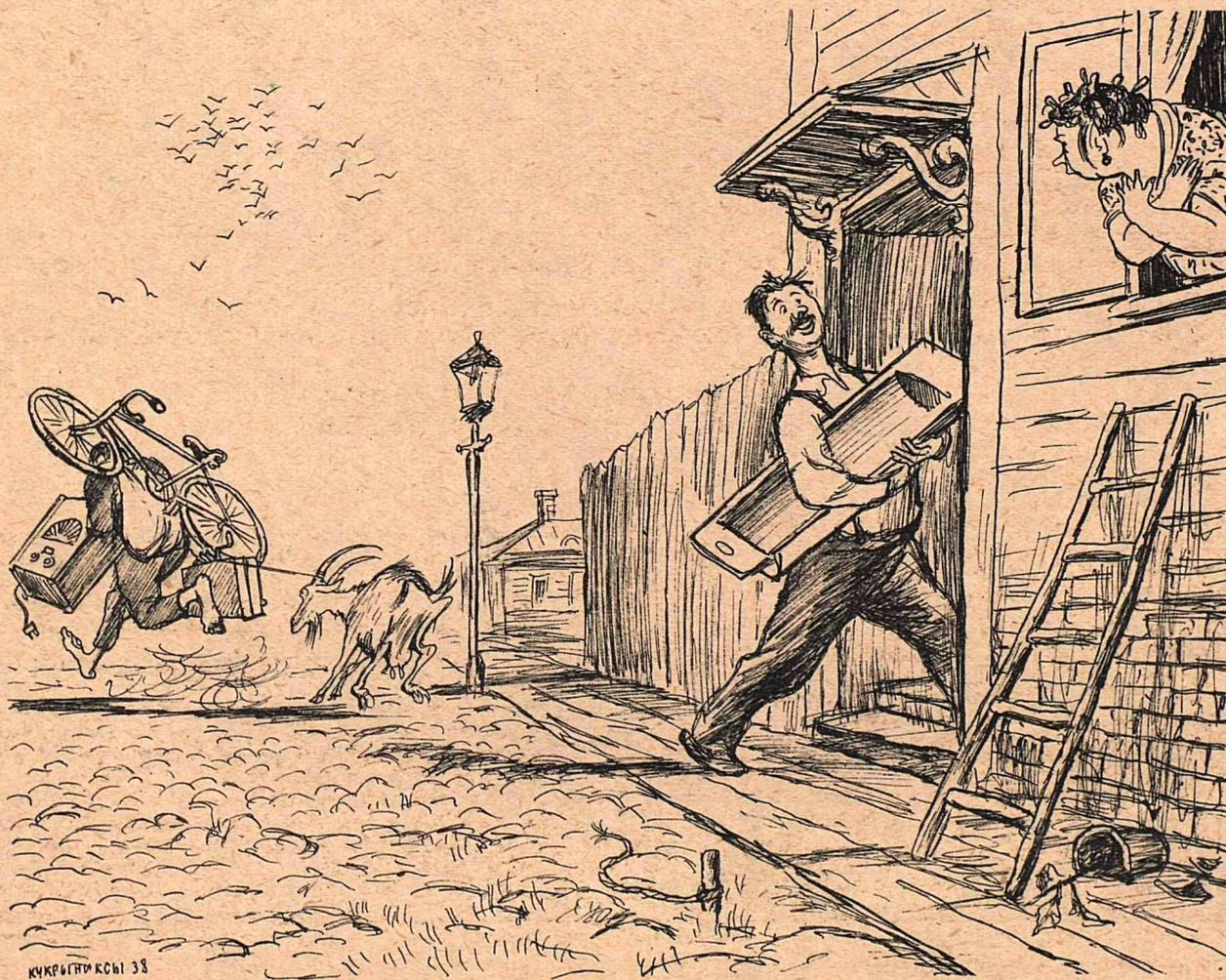

Рис. Кукрыниксы

СПАСЕННАЯ ЦЕННОСТЬ

— Корыто я у вора успел выхватить! А остальное не жалко: за корытом-то я четыреста километров ездил.

Редактор — Мих. КОЛЬЦОВ. Редакция: Г. РЫКЛИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ.

Адрес ред.: Москва, 4/4, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. 633

Сдача текста и рисунков 1/VIII 1938 г.

Подписано к печати 31/VIII-1938 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б — 50835 Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2010. Тираж 275 000 экз.

45

СВЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
 4 ЯН. 1938
 Всес. Кн. Палат. Получены

Получ.	Лет	Ст. ун
5/18		
5/18		
4/18		

Генча

Рис. Л. Генча

К СОБЫТИЯМ У ОЗЕРА ХАСАН

ИНОСТРАННЫЙ ЖУРНАЛИСТ: — Вас разбили?
 ЯПОНСКИЙ ГЕНЕРАЛ: — Пожалуй, нас не раз били!..